№ 5. 27-ое ЯНВАРЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

Знаменитый адмиралъ Гобартъ-паша постоянно находится на сто чтобы въ всякую минуту, при первой тревогѣ, сѣсть на корабль всѣхъ парахъ туда, куда призываетъ его благоразуміе.

Странный человѣкъ

(разсказъ экс-судебнаго слѣдователя)

(*Посвящается Н. Г. Ч.*).

(*Окончаніе*).

VI

«Словно преступникъ, ожидающій выноса вердикта присяжныхъ — «виновенъ ли онъ, или нѣтъ?», я на другой день утромъ сидѣлъ на урокѣ въ домѣ судьи, въ той самой залѣ, гдѣ вчера вечеромъ происходило объясненіе съ дѣвушкой. Сколько мыслей роилось въ головѣ!...

«Она вышла такой спокойной и безпечной, что я удивился и въ груди шевельнулось горе: что́ если она вчера смѣялась надо мною и отвѣтитъ иронически сегодня на мое предложеніе?

— Чѣмъ вы меня подарите? спросилъ я ее, подходя къ ней, чтобы насъ не слышала Оля, моя ученица, —
...ло, отказомъ?
...тивъ, — смѣясь, отвѣчала она, — я согласна.
...мъ не увѣрены?... Я вчера только такъ
...завтра... Предложеніе было ново...

...Ѳома маловѣрный! Цѣлуйте

...ышала звукъ моего по-

...нъ Осиповичъ? спросила

...іе любить, когда онъ бу-

...оей невѣстѣ, — согласится
...тотъ бракъ?
...і меня все равно. Я дала
...Если согласится, то тѣмъ
...ь на службу въ другой
...или бѣжимъ вмѣстѣ. Сна-
...мится, но потомъ исполнитъ
...ь должно быть очень тя-
...ею по этому предмету,
...ите моего увѣдомленія.

...й невѣсты и принялся за урокъ. Въ тотъ же день вечеромъ, по совѣту своей невѣсты, я послалъ къ ея дядѣ письмо. На другой день я получилъ отъ нея коротенькую записку, что дядя упрямится, но чтобы я былъ покоенъ, такъ какъ все уладится. Третій и четвертый день я провелъ въ мучительномъ ожиданіи и только на пятый мнѣ подано было письмо отъ судьи. Я помню его содержаніе. «Милостивый государь, — писалъ онъ, — моя племянница непоколебима въ данномъ вамъ словѣ. Всѣ мои убѣжденія относительно неравенства вашего брака — тщетны. Я умываю руки. Сдѣлаете ли вы ее счастливою? Если надѣетесь, то офиціозно съ моей стороны препятствія на вашъ бракъ не будетъ. *Такой-то*».

VII

«И такъ, задуманный мною бракъ состоялся. Свадьбу мы устроили скоро. Около полутора года я былъ такъ счастливъ съ своею женою, какъ и разсказать вамъ не могу... Всѣ мои прежнія опасенія разсѣялись. Какъ неожиданно грянулъ громъ. На половинѣ втораго года въ наше училище на вакантную должность учителя русскаго языка прибылъ молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ университетѣ, нѣкто Буринскій.

— Буринскій! вскричалъ я, — Викторъ Петровичъ?

— Да.

— А вашу супругу зовутъ не Антонина ли? Антонина... ахъ, забылъ отчество...

— Такъ точно! Антонина Пантелеймоновна. Но развѣ вы ихъ знаете? спросилъ удивленный Павловъ.

— Какъ же... Буринскій мнѣ товарищъ по университету. Такъ вотъ какъ!... Представьте случай: я встрѣтился съ нимъ въ О—ѣ и, какъ оказывается, познакомился, кажется, съ вашей бывшей супругою... — Я передалъ Павлову все, слышанное мною отъ Буринскаго и о происходившей на моихъ глазахъ въ О—ѣ маленькой семейной сценѣ.

Константинъ Осиповичъ слушалъ меня, потирая лобъ рукою.

— И такъ, заговорилъ онъ послѣ продолжительной паузы, — вы почти все знаете; остальное досказать вамъ легко. Я никогда бы не оставилъ свою жену и не передалъ бы ее другому, если бы [illegible]талъ его за человѣка недостойнаго ея любви, хотя бы она и увлеклась имъ. Я бы просто уѣхалъ изъ К—а, гдѣ служилъ, и тѣмъ положилъ бы конецъ всякому дальнѣйшему ихъ сближенію. Но Буринскій былъ человѣкъ достойный, моложе меня, свѣжѣе и образованнѣе. Любовь его къ Антонинѣ, мнѣ показалось, было не ухаживанье, не волокитство, а глубокое, серьозное чувство. Въ глазахъ ея я читалъ, что она также любитъ его. Она стала задумчива, грустна

скучала, когда Буринскій не бывалъ какой день у насъ. Буринскій тоже замѣтилъ ея расположеніе къ нему, но какъ честный человѣкъ, не желая лишать меня семейнаго счастія, хотѣлъ удалиться изъ К—а. Я задумался надъ рѣшеніемъ вопроса: кто долженъ своротить съ дороги: онъ или я?... Въ результатѣ вышло: я. Мой жребій былъ брошенъ. Все равно, если Буринскій и уѣдетъ, я уже не буду счастливъ по прежнему, не могу вступить въ прежнія отношенія къ женѣ, зная, что душа и сердце ея принадлежатъ другому... И такъ отъѣздъ его дѣлаетъ двухъ страдальцами: его и Антонину; я не причемъ; отъѣздъ же мой мнѣ дастъ сознаніе, что я поступилъ какъ слѣдуетъ и, быть можетъ, сдѣлаетъ ихъ двухъ счастливыми. Составивъ эту гипотезу, я, какъ вы знаете, почти бѣжалъ изъ К—а, боясь, что Антонина могла послѣдовать за мною. Рѣшившись оставить Антонину и сдѣлать ее свободною, я въ то же время по зрѣломъ обдуманіи откинулъ мысль о самоубійствѣ, но не потому, что не имѣлъ на это силы воли, или ждалъ себѣ чего либо хорошаго отъ жизни впереди. Нѣтъ, другіе силлогизмы побудили меня къ этому. Самоубійство мое оффиціально, какъ фактъ, было необходимо для доставленія Антонинѣ свободы; но *несуществованіе* никому не могло быть полезно... Мнѣ неизвѣстно было, что еще ждетъ Антонину въ будущемъ?... Можетъ быть, она будетъ несчастна, находиться въ безъисходномъ положеніи и ей нужна будетъ помощь, опора, поддержка, для которой можетъ послужить мое существованіе. Мнѣ нужно было знать, что будетъ съ Антониною безъ меня?... Счастливый случай мнѣ поблагопріятствовалъ въ этомъ.

«Нѣкогда я принялъ участіе въ одномъ крѣпостномъ мальчикѣ, выкупилъ его на волю и далъ небольшое образованіе въ уѣздномъ училищѣ; потомъ я предоставилъ ему въ К—ѣ мѣсто. Мальчикъ этотъ былъ тогда уже юношею, былъ смышленъ, въ высокой степени развитъ и преданъ мнѣ всею душою. Я открылъ ему всю свою душу, далъ инструкцію и умолялъ извѣщать меня обо всемъ, что случится съ Антониною. Адресы свои я долженъ былъ доставлять ему. Желудешовъ, такъ фамилія молодаго человѣка, клятвенно обѣщалъ мнѣ это.

«Однако этотъ планъ касался будущаго; въ то же время, когда я уѣзжалъ изъ К—а, что мнѣ дѣлать сейчасъ, я не зналъ... Я былъ помѣшанъ, убитъ, шлялся безъ цѣли, растратилъ взятую съ собою мелочь денегъ, дозволилъ обворовать себя и въ такомъ положеніи прибылъ къ вамъ, въ Гнилуши, гдѣ, благодаря вашему участію, получилъ временную осѣдлость. Изъ Гнилушъ я писалъ Желудешову и получилъ отъ него отвѣтъ, что Буринскій часто бываетъ у Антонины и молодые люди сближаются между собой. Тогда я заранѣе запасся другимъ платьемъ, укралъ у васъ пересылочный документъ умершаго чиновника Орлова и сдѣлалъ извѣстную продѣлку, чтобы меня сочли за утопленника. О своемъ планѣ и о томъ, что я живъ, но устроилъ только штуку, я не открылъ даже Желудешову, такъ что, когда въ К—ѣ получено было извѣстіе о моей смерти, то и онъ считалъ меня мертвецомъ. Я написалъ ему лишь черезъ годъ. Онъ отвѣчалъ, что Антонина уже замужемъ за Буринскимъ. Отъ васъ я кое-какъ добрался до совершенно незнакомаго и глухаго города В. Тамъ я нарочно поступилъ писцомъ въ полицію, сообщилъ адресъ Желудешову, давалъ уроки дѣтямъ частнаго пристава и квартальныхъ и кое-какъ существовалъ. Но вдругъ Желудешовъ, извѣщая меня, что Буринскій получилъ мѣсто судебнаго слѣдователя, прибавляетъ, что Антонина подурнѣла и сильно груститъ о своемъ первомъ мужѣ до семейныхъ сценъ со вторымъ. Я встрепенулся. Эта грусть, эти семейныя сцены могутъ довести, —подумалъ я, —самолюбиваго Буринскаго до разлуки съ Антониною... Что будетъ съ нею? Въ другомъ письмѣ Желудешовъ писалъ, что Буринскій сталъ играть въ карты и проигрываетъ значительные куши... Антонина можетъ остаться нищею. У меня не было скоплено денегъ; нужно было подумать о будущемъ; аттестатъ Орлова не давалъ ни малѣйшей гарантіи на полученіе мѣста хоть со сколько нибудь обезпеченнымъ содержаніемъ. Я попатужился, собралъ двадцать пять рублей и пошелъ изъ В. искать счастія въ Петербургѣ. Питаясь колбасою и хлѣбомъ, ночуя въ ночлежныхъ домахъ и просиживая дни въ публичной библіотекѣ, я приготовился и выдержалъ экзаменъ на учителя гимназіи. Съ этихъ поръ положеніе мое улучшилось, я нашелъ уроки и даже имѣю въ запасѣ нѣсколько пятипроцентныхъ билетовъ. Кромѣ того, могу получить и казенное мѣсто учителя гимназіи гдѣ нибудь подальше, гдѣ ни меня, ни ея не знаютъ... Я еще не открылъ Антонинѣ, что я живъ, но близко время къ этому... Она очень несчастна: Буринскій проигралъ въ карты оставленныя мною три тысячи, ея тысячу рублей и 120 десятинъ земли, доставшихся Антонинѣ послѣ мнимой моей смерти. Теперь они живутъ на одномъ жалованьи... Все бы это было ничего еще; но Буринскій увлекается другими, жаждетъ, какъ нѣкогда я, свѣжей любви и не можетъ простить ей, что она любила и ласкала другаго... Онъ собирается бросить и службу, и мою Антонину... Я не сужу его, Богъ съ нимъ... Но ее мнѣ невыносимо жалко!... Неужели же вы, послѣ того, что узнали, обличите меня въ самозванствѣ?... Не обо мнѣ рѣчь... Умри она, дѣлайте со мною что угодно... Но о ней»...

Константинъ Осиповичъ залился слезами.

Я тоже не могъ удержаться отъ нихъ, хотя въ головѣ вертѣлся вопросъ: подъ своимъ ли, или подъ чужимъ вліяніемъ выработался такой человѣкъ?...

—

Долго, долго послѣ этого посѣщенія меня Константиномъ Осиповичемъ я не видалъ его, такъ какъ онъ, изъ предосторожности, оставилъ мѣсто у генеральши Бабиновой; но однажды, гуляя по одной изъ отдаленныхъ улицъ Петербурга, я встрѣтилъ его идущимъ подъ руку съ какой-то дамой. Благодаря отрощенной мною бородѣ, они меня не узнали, но я узналъ и его, и Антонину Пантелеймоновну... Счастливы ли онѣ теперь?...

А. Шклярѳвскій.

Насажденіе просвѣтительныхъ лозъ

(Изъ тысячи и одной небылицы о славномъ городѣ Готтентотскѣ).

I

Славный городъ Готтентотскъ долгое время обходился безъ общественной библіотеки. Готтентотскіе граждане коснѣли въ самомъ дикомъ невѣжествѣ. Они полагали, что земля держится на трехъ китахъ, что во Франціи царствуетъ Наполеонъ I вмѣстѣ съ Прекрасной Еленою, что нѣмцы выдумали обезьяну, что всю Европу можно покрыть шапкою—разумѣется, русскою,—что генералъ Черняевъ изобрѣлъ папиросы своего имени, чѣмъ преимущественно и прославился, что проживающая на Лѣскахъ (пригородъ Готтентотска) баба Ковалиха знается съ чортомъ, вслѣдствіе чего ея побаивается даже одинъ безстрашный человѣкъ, именующій себя нигилистомъ, и проч. и проч. и проч. Невѣжество готтентовцевъ обратило на себя даже вниманіе археологовъ и они частенько навѣдывались въ Готтентотскъ. Въ вѣрованіяхъ и міросозерцаніи этого славнаго города они видѣли нѣчто дѣвственное, первобытное дающее ключъ къ уразумѣнію разныхъ загадочныхъ явленій современной цивилизаціи. Археологи съ любовью говорили о Готтентотскѣ, а одинъ изъ нихъ, чрезвычайно ученый и начитанный человѣкъ разрывшій на своемъ вѣку до 100000 древнихъ могилъ и написавшій до 100 томовъ in-folio «о йотированномъ азѣ», предлагалъ даже обнести Готтентотскъ высокою каменною стѣною, чтобы, лишивъ его возможн[ости] общенія съ внѣшнимъ міромъ, навсегда сохранить его диковинные нравы и трогательное невѣжес[тво] въ назиданіе будущимъ археологамъ. Но правительст[во], къ сожалѣнію, отвергло проэктъ знаменитаго автора [100] томовъ «о йотированномъ азѣ».

II

Однажды къ готтентотскому градоначальнику явился подначальный; наклонивъ впередъ станъ и, смотря прямо въ глаза начальнику, онъ пробарабанилъ:

— Имѣю честь рапортовать в—родію, что въ славномъ городѣ Готтентотскѣ все обстоитъ благополучно. Вчера на главной площади была усмотрѣна корова, каковая и содержится нынѣ въ полиціи. Почью всѣ почивали мирно, за исключеніемъ купца Распропузова. Означенный купецъ, находясь въ нетрезвомъ видѣ и выйдя на балконъ, произносилъ сквернословіе. Сегодня на зарѣ лишилъ себя жизни дворянинъ Маниловъ, посредствомъ имѣвшагося у него сапожнаго шила. При ономъ дворянинѣ найдена записка, гласящая такъ: «Умираю отъ недостатка просвѣщенія. Невѣжество—сія язва образованныхъ народовъ—одно виновно въ моей безвременной кончинѣ». О каковомъ нарушеніи общественнаго благочинія, а равно и законовъ естества, производится слѣдствіе.

Градоначальникъ крѣпко задумался. Смерть дворянина Манилова—отъ недостатка просвѣщенія—произве[ла] на него сильное впечатлѣніе. Вѣдь этакъ, чего добраго, вымрутъ, мало по малу, и всѣ готтентотцы!

«Необходимо завести просвѣщеніе», рѣшилъ онъ.—«Но такъ-какъ, благодаря духу времени, починъ въ такомъ чисто общественномъ дѣлѣ долженъ принадлежать самимъ гражданамъ, то обращусь къ готтентотцамъ съ предложеніемъ. Я не буду ихъ понуждать; понужденіе ведетъ къ тупому сопротивленію; я только *приглашу* ихъ къ неупустительному смотрѣнію за состояніемъ своихъ умовъ и усердному раченію въ дѣлѣ уничтоженія ихъ преступнаго невѣжества»...

Отпустивъ подначальнаго, градоначальникъ заперся въ своемъ кабинетѣ и сталъ сочинять приглашеніе.

III

Приглашеніе градоначальника, появившееся черезъ два дня, гласило слѣдующее:

«Граждане славнаго города Готтентотска!

Образованность—мать богатства. Невѣжество—источникъ нищеты и преступленія. Невѣжественный Маниловъ погибъ отъ необразованія. Онъ даже смерть пріялъ необразованную, ибо умеръ отъ сапожнаго шила. Предупреждаю, что, заботясь, не щадя живота, о преуспѣяніи

моему попеченію города, я въ тоже время …аю гражданъ онаго къ просвѣщенію. Я только …маю ихъ обратить надлежащее вниманіе на со…ніе своихъ умовъ. Дабы предупредить случаи лишенія …ами отъ недостатка просвѣщенія, дабы не быть предметомъ оскорбительнаго вниманія археологовъ, — пусть граждане заведутъ у себя библіотеку, пусть умы ихъ не будутъ праздны, пусть готтентотцы сравняются съ другими образованными націями!

Граждане славнаго города Готтентотска! Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у васъ не было бульвара. Но, по моему приглашенію, вы насадили на немъ лозы, которыя можно назвать лозами отдыха и прогулокъ. Многія изъ этихъ лозъ погибли отъ угрызенія вашими домашними животными; но многія принялись и разрослись. Насадите же теперь лозы просвѣщенія.

Уповаю, граждане, что глазъ мой не останется гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И съ гордостью помышляю, что будетъ время, когда нынѣ насажденныя лозы готтентотскаго просвѣщенія превратятся въ кусты, подъ роскошною тѣнью которыхъ укроются отъ губительнаго зноя невѣжества цѣлыя поколѣнія готтентотцевъ».

IV

Въ честь готтентотцевъ нужно сказать, что они — народъ, хоть и невѣжественный, но почтительный. За исключеніемъ нигилиста, вѣрившаго въ бабу Ковалиху, между ними не было никого, кто бы могъ посягнуть на авторитетъ градоначальника. Не исполнить его совѣта, касающагося ихъ же пользы, готтентотцы не могли. И потому они стали подумывать о библіотекѣ.

Думали, думали и, наконецъ, рѣшили устроить въ зданіи городскаго театра литературно-вокальный вечеръ, съ тѣмъ, чтобы на собранныя такимъ путемъ деньги выписать изъ Петербурга разныя просвѣтительныя орудія — книги, газеты и журналы.

V

Въ Готтентотскѣ, нужно замѣтить, искони проживали двѣ очень милыя благотворительныя дамы, изъ коихъ одна была *просто* благотворительная, а другая, помоложе, благотворительная во *всѣхъ отношеніяхъ*, и онѣ то приняли живѣйшее участье въ устроеніи вокально-литературнаго вечера. Никто не усомнился въ способности милыхъ дамъ — устроить и довести до благополучнаго окончанія означенный вечеръ, и всѣ единогласно рѣшили передать въ ихъ руки готтентотское вокально-литературное дѣло, долженствовавшее, въ концѣ концовъ, породить готтентотское просвѣщеніе.

Сказано — сдѣлано. Милыя дамы принялись осуществлять свою литературно-вокально-просвѣтительную миссію. И прежде всего онѣ сдѣлали смотръ наличнымъ талантамъ славнаго города Готтентотска.

Оказалось, что въ Готтентотскѣ проживали и могли принять участіе въ предполагавшемся вечерѣ слѣдующія персоны: чрезвычайно талантливая дѣвица Престарѣлова, высоко-талантливая дама Губошлепова, весьма талантливый дворянинъ Утѣшительный, очень талантливый губернскій секретарь Размазня, просто талантливый недоросль изъ дворянъ Гриша Кузнечикъ и актеръ Наполеоновъ.

Произведя этотъ «смотръ», милыя дамы пришли къ слѣдующему благоразумному заключенію: всѣмъ перечисленнымъ талантамъ, за исключеніемъ актера Наполеонова, въ способностяхъ котораго нельзя сомнѣваться, сдѣлать предварительный экзаменъ, съ тѣмъ, чтобы доподлинно узнать, къ чему они преимущественно склонны и къ чему они могутъ быть пріурочены каждый порознь. Очень можетъ быть, напримѣръ, что дѣвица Престарѣлова не только поетъ: «Среди долины ровныя» или «Ахъ жги, жги, говори!», но и въ состояніи исполнять еврейскіе разсказы. Очень можетъ быть также, что дворянинъ Утѣшительный, обладающій прелестнымъ тепоромъ, можетъ, если попросить его хорошенько, спѣть басомъ, а недоросль изъ дворянъ, Гриша Кузнечикъ, вѣроятно, не исключительно же лаетъ по собачьи, но и съ одинаковымъ искусствомъ съумѣетъ изобразить что нибудь изъ кошачьей жизни. Все можетъ быть. А посему милыя дамы постановили: пригласить въ извѣстное мѣсто и въ извѣстный часъ всѣ разнообразные таланты славнаго города Готтентотска для испытанія и взаимнаго соревнованія.

VI

Актеръ Наполеоновъ былъ трагикъ съ ногъ до головы, и притомъ весьма мрачный трагикъ. Какая-то труппа, проѣзжая чрезъ Готтентотскъ, забыла въ немъ этого мрачнаго служителя Мельпомены, и съ тѣмъ поръ Готтентотскъ сталъ для него вторымъ отечествомъ. Онъ былъ блѣденъ, тощь и сухъ. Казалось, вѣтеръ могъ бы играть имъ, какъ тросникомъ, и шатать изъ стороны въ сторону. Но въ его груди горѣлъ священный огонь трагическаго призванія, и этотъ огонь давалъ ему силу выдерживать борьбу съ всевозможными противными вѣтрами. Толстая, какъ бочка, баба Ковалиха плѣнилась имъ и не дала ему умереть голодною смертью. Въ благодарность за это, Наполеоновъ разсказывалъ про нее по городу всевозможныя небылицы. Онъ то, собственно и нагналъ страхъ на единственнаго готтентотскаго нигилиста. Голосъ Наполеоновъ имѣлъ рыкающій, почти звѣрскій. Когда онъ игралъ, то страшно вращалъ бѣлками

и, далеко отставивъ правую ногу, неистово жестикулировалъ, изображая изъ себя нѣчто въ родѣ трагической (если такъ можно выразиться) мельницы. Наполеоновъ давно уже мечталъ о сближеніи съ готтентотскою аристократіею. Давно уже надоѣла ему баба Ковалиха. Давно уже неблагодарное сердце его носило въ себѣ плѣнительный образъ дѣвицы Престарѣловой. И вотъ теперь онъ на порогѣ вожделѣннаго счастья: онъ познакомится съ сливками готтентотскаго общества; дѣвица Престарѣлова не устоитъ противъ его трагическаго обаянія. Онъ пошлетъ бабу Ковалиху ко всѣмъ чертямъ.

VII.

Прошло нѣсколько дней.

Извѣстный часъ наступилъ—извѣстное мѣсто оказалось въ гостинной милой, просто благотворительной дамы.

Милая дама, благотворительная во всѣхъ отношеніяхъ, пріѣхала раньше всѣхъ—раньше всѣхъ поющихъ, разсказывающихъ и лаящихъ знаменитостей славнаго города Готтентотска.

— Пригласили вы актера Наполеонова?

— Пригласила.

— Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ? Вѣдь онъ же не нуждается въ испытаніи... Всѣмъ готтентотцамъ извѣстно, что его дарованіе выше критики... Это разъ. Во вторыхъ, врядъ ли онъ умѣетъ держать себя въ обществѣ... Довольно съ него и того, что онъ будетъ играть съ нами... Наконецъ, я видѣла его сегодня на бульварѣ... Онъ какъ-то странно шатался .. Говорятъ, правда, что его шатаетъ вѣтеръ... Но все же опасно пускать его къ намъ. Можетъ быть, онъ просто пьянъ!

— Я пригласила его въ силу нашего постановленія...

— Которое, къ сожалѣнію, гласитъ двояко: сдѣлать всѣмъ участникамъ вечера, *исключая* Наполеонова, предварительный экзаменъ и пригласить *всѣхъ* ихъ въ извѣстное мѣсто, назначивъ для того извѣстный часъ... Ахъ, какая жалость! Какая жалость, что я такъ поздно спохватилась...

Хозяйка дома обидѣлась.

— Вы, кажется, считаете меня ни во что?

— Ужь если я ошиблась, отвѣчала гостья, сверкнувъ глазами,—то вамъ и Богъ велѣлъ!

Хозяйка дома почувствовала въ своемъ благотворительномъ сердцѣ неудержимое желаніе вцѣпиться въ роскошный шиньонъ милой, благотворительной во всѣхъ отношеніяхъ, дамы. Милая, благотворительная во всѣхъ отношеніяхъ дама, какъ бы предчувствуя это, приняла оборонительное положеніе. Но въ это самое время въ гостинную влетѣла, подобно зефиру, дѣвица Престарѣлова—и начинавшійся пожаръ ссоры потухъ самъ собою.

— Какой душка! воскликнула дѣвица Престарѣлова.

— Кто? гдѣ?

— Актеръ Наполеоновъ... Можете себѣ представить: онъ такой худенькій... И все отъ того, что живетъ у этой злой бабы Ковалихи... Сегодня идетъ мимо моихъ оконъ и руками размахиваетъ: что-то декламируетъ. Въ глазахъ—огонь вдохновенія. На плечахъ какой-то пестрый плащъ... Очень живописно!

Милыя благотворительныя дамы, услышавъ такіе лестные отзывы объ актерѣ Наполеоновѣ, дружелюбно переглянулись.

Между тѣмъ прибыли и еще нѣкоторые таланты. Прибылъ градоначальникъ. Онъ лично хотѣлъ убѣдиться, на сколько успѣшно идетъ дѣло насажденія лозъ готтентотскаго просвѣщенія. Но актера Наполеонова не было.

VIII.

Началось соревнованіе.

Дѣвица Престарѣлова, подбоченясь, ухарски исполнила: «Ахъ, жги, жги, говори!», но на еврейскихъ разсказахъ обрѣзалась. Дворянинъ Утѣшительный представилъ сумасшедшаго, но басомъ пропѣть не могъ, какъ ни напрягался. Недоросль изъ дворянъ Гриша Кузнечикъ изобразилъ въ лицахъ, встрѣчу собаки съ кошкою, и оправдавъ тѣмъ ожиданія милыхъ дамъ, удостоился громкихъ аплодесментовъ. Что касается прочихъ талантовъ, то всѣ они тоже проявили себя болѣе или менѣе успѣшно.

IX.

Была уже составлена программа вокально-литературнаго вечера, былъ уже отпитъ чай, уже былъ поданъ десертъ и милая, просто благотворительная дама, съ тайной тоской слѣдила за каждымъ исчезавшимъ съ подноса кускомъ, какъ въ гостинную вошелъ,—вошелъ внезапно, безъ доклада, точно изъ земли выросъ,—актеръ Наполеоновъ. Онъ слегка пошатывался, не смотря на то, что въ гостинной не было даже сквознаго вѣтра. Его глаза горѣли мрачнымъ вдохновеніемъ. На его сухихъ плечахъ болтался тотъ самый пестрый плащъ, который такъ понравился дѣвицѣ Престарѣловой и въ которомъ баба Ковалиха узнала бы свою праздничную шаль. Остановившись у порога и принявъ свою обычную трагическую позу, Наполеоновъ сказалъ:

— Именитая хозяйка дома да проститъ безкорыстному служителю трагической музы его поздній приходъ. Я гладенъ, жаждущъ и во вретищѣ притекаю, да накормятъ меня и напоятъ, и согрѣютъ!

И затѣмъ, отвѣсивъ всѣмъ общій поклонъ, Наполеоновъ помѣстился возлѣ дѣвицы Престарѣловой.

— Жаль, мсьё Наполеоновъ,—сказала милая просто

благотворительная дама,—что вы не присутствовали на состязаніи. Ваша опытность много помогла бы намъ при опредѣленіи степени нашей талантливости. Что касается лично васъ, то мы хотѣли просить васъ изобразить намъ что-нибудь изъ «Гамлета»...

— Я гладенъ, жаждущъ...

— Сію минуту, мсьё Наполеоновъ, — съ испугомъ произнесла хозяйка дома,—сію минуту!

И она вышла, бросивъ умоляющій взглядъ дѣвицѣ Престарѣловой.

Дѣвица Престарѣлова принялась занимать мрачнаго трагика. Она говорила о счастьи взаимной любви, о жизни на берегу ручейка, въ уединенной хижинѣ, среди сладостно блеющихъ барановъ, съ голубыми и розовыми ленточками на шеяхъ. И при этомъ она такъ нѣжно смотрѣла на трагика, такъ многозначительно вздыхала!...

Трагикъ слушалъ чрезвычайно внимательно, кутаясь въ свой живописный плащъ и изрѣдка пристально, и не безъ страха, всматриваясь въ какіе-то странные предметы, никому, кромѣ него, невидимые. Иногда онъ дѣлалъ такія движенія руками, какія, обыкновенно, употребляются при ловлѣ мухъ. Улыбка торжества пробѣгала при этомъ по его блѣднымъ губамъ...

— Вы ажитированы, мсьё Наполеоновъ,—полушопотомъ сказала дѣвица Престарѣлова,— скажите, что это значитъ? Ужь не влюблены-ли вы?

Но Наполеоновъ не отвѣчалъ. Теперь все его вниманіе было сосредоточено на бородавкѣ, украшавшей носъ дѣвицы Престарѣловой. Ему казалось, что эта бородавка пляшетъ передъ нимъ, дразнитъ его и показываетъ ему языкъ. Ненависть къ бородавкѣ кипѣла въ его трагической душѣ. О, съ какимъ наслажденіемъ раздавилъ бы онъ своими костлявыми пальцами эту проклятую бородавку! Наконецъ, онъ, не выдержавъ и рыкнувъ на подобіе дикого звѣря, схватилъ ее большимъ и указательнымъ пальцами своей правой руки, а лѣвою приготовился нанести ей смертельный ударъ...

Дико взвизгнула дѣвица Престарѣлова. Замерли въ изумленіи и страхѣ всѣ гости.....

Читатель, очень можетъ быть, спроситъ меня, чѣмъ же кончилась вся эта веселая и занимательная исторія съ насажденіямъ въ Готтентотскѣ просвѣтительныхъ лозъ? Спѣшу удовлетворить его вполнѣ законному любопытству. Во первыхъ, актеръ Наполеоновъ, выпущенный изъ части, куда онъ попалъ за свой послѣдній скандалъ, неизвѣстно куда дѣвался. Предполагаютъ, что онъ былъ унесенъ сильнымъ вѣтромъ, свирѣпствовавшимъ въ Готтентотскѣ вскорѣ послѣ приключенія съ бородавкою дѣвицы Престарѣловой. Во вторыхъ, вокально-литературный вечеръ, не смотря на то, что актеръ Наполеоновъ не принималъ въ немъ участія, удался превосходно, и поющія, разсказывающія и лающія знаменитости славнаго города Готтентотска удостоились вполнѣ заслуженныхъ аплодисментовъ. И въ третьихъ — вырученныя отъ вечера деньги, въ количествѣ 1 р. 43 к., были немедленно обращены въ пользу готтентотскаго просвѣщенія, ближайшимъ слѣдствіемъ чего и было то отрадное обстоятельство, что единственный готтентотскій нигилистъ пересталъ вѣрить въ бабу Ковалиху.

I. I. Ясинскій.

Изъ записной книжки

СЕМЕНА ФИКЛИСТОВА ПИНДИНДРЮНЧИКОВА.

И скука же, ей-богу, въ нашемъ губернскомъ городѣ! Противъ Москвы сравненія никакого нѣтъ. Тамъ бывало и знакомства есть, и время проводишь весело. Конечно, нашему брату, мелкому телеграфисту, клубы да балы не по карману, а все-таки удовольствіе получали, въ гостинницу Совраcенкова, напримѣръ, зайдешь, напьешься, не помнишь, какъ домой попадешь. Весело жилось тогда! А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ сюда перевели—бѣда чистая, ни компаніи, ни знакомства, хоть умирай со скуки.

—

Вѣдь вотъ право подумаешь, напримѣръ, хоть военное время, кому бѣда, а нашему брату, телеграфисту, время это удовольствіе всяческое доставлять можетъ, умѣй только пользоваться. Теперь хоть изъ нашего города полкъ выступилъ, изъ офицерства никого не осталось, квартальные одни, да и тѣ или женатые люди, или такъ почему либо для сантиментальности не годятся. Стало быть, мы, телеграфисты, на счету, все-таки на военныхъ смахиваемъ, потому что форму имѣемъ со свѣтлыми пуговицами.

—

На дняхъ встрѣтился на городскомъ б[illegible]рѣ съ купчихой одной, Фіоной Панкратьевной. С[illegible]ла очень съ любопытствомъ осматривала меня, потомъ не вытерпѣла, разговорилась.

— Вы, говоритъ, здѣсь служите?

— Здѣсь.

— На тиниграфѣ?

— На телеграфѣ.

— Что это трудно депеши пущать?

— Нѣтъ, говорю, особливой трудности нѣтъ, потому что проволока протянута, по проволокѣ и идетъ она.

— Это-то, говоритъ, я знаю, что по проволокѣ, а всячески любопытно посмотрѣть бы было.

Обѣщалъ ей аппаратъ показать. Къ себѣ пригласила.

— Только вы, говоритъ, такъ какъ нибудь незамѣтно приходите, а то у насъ въ городѣ насчетъ сплетень очинно сильно.

Былъ въ гостяхъ у Фіоны Панкратьевны. Экое раздолье вдовамъ-то купеческимъ! Какихъ, какихъ закусокъ не наставила, просто глаза разбѣжались. Выпилъ изрядно, на другой день голова болѣла.

—

Не житье, а масляница! Цѣлую недѣлю и дома не обѣдаю: Фіона Панкратьевна къ себѣ все приглашаетъ, — скучно, говоритъ, очень. Такія закуски ѣлъ у нея, какихъ отъ роду не отвѣдывалъ. Мундирную пару новую сшилъ себѣ. фуражку купилъ, перчатки бѣлыя и пенснэ завелъ — офицеръ настоящій сталъ. Фортуна-то видно не свой братъ. Прежде бывало на нашего брата и вниманія никто не обращалъ, а теперь совсѣмъ иное дѣло пошло. Иду разъ во всемъ новенькомъ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, пенснэ тоже какъ слѣдуетъ на снурочкѣ болтается, барыня одна Лариса Поликарповна встрѣтилась. Барыня она ничего — изъ хорошихъ, бѣлится только очень сильно, а все-таки великатная. Бывало и взглядомъ не удостоивала, а теперь, оглядѣвши меня сначала, въ разговоръ вступила.

— Что, говоритъ, скажите пожалуйста, отъ мужа моего нѣтъ депеши?

А мужъ-то ея военный, на войнѣ теперь.

— Нѣтъ-съ, говорю, кажется не было-съ.

— Пожалуйста, — проситъ, — если депеша будетъ, доставьте немедля.

— Съ большимъ удовольствіемъ-съ, отвѣчаю.

На стаканъ чая пригласила, — пошелъ. Не отказываться же: знакомства для молодаго человѣка — первое дѣло.

—

Совсѣмъ свѣтскимъ кавалеромъ сталъ. Времени не вижу. Еще бы! Хоть пока только и два знакомыхъ дома завелись, а все-таки время нужно. То у Фіоны Панкратьевны, то у Ларисы Поликарповны. просто каждое утро съ трескомъ въ головѣ просыпаешься. Часы съ цѣпочкой завелъ и на лѣвомъ мизинцѣ, какъ всѣ настоящіе франты, широкое кольцо ношу. Новыхъ знакомствъ пока нѣтъ, все свободное время провожу или у милой барыни, или у Фіоны Панкратьевны. Франтить такъ франтить! Осеннее пальто шикозное сдѣлалъ себѣ, халатъ драповый съ синими шелковыми выпушками купилъ. Нельзя же, обзаведясь знакомствомъ порядочнымъ, кое въ чемъ ходить. Папиросы началъ курить не въ двадцать четыре копейки четвертку, а въ тридцать пять. Купилъ серебряный портсигаръ.

Экая досада! Проигралъ восемнадцать рублей на билліардѣ. Ну, да ничего, дѣло поправимое. За то хозяинъ гостинницы съ какимъ уваженіемъ ко мнѣ относится: я у него теперь чуть не первый посѣтитель сталъ. Въ клубѣ былъ на балу. Жаль, что танцовать не умѣю, дѣлать было нечего, все въ буфетѣ сидѣлъ, а все-таки весело провелъ время. Опять былъ въ клубѣ, сѣлъ играть въ рамсъ, послѣднія деньги проигралъ. Ничего, покрайней мѣрѣ съ порядочными людьми въ компаніи находился. Завтра плѣнныхъ турокъ къ намъ въ городъ привезутъ.

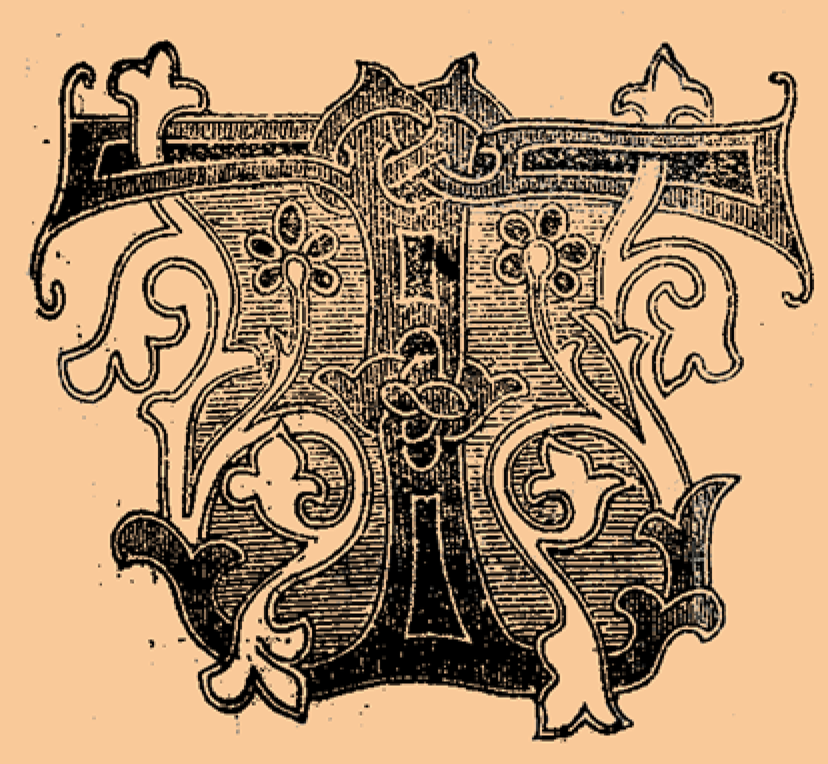
—

Чортъ знаетъ, какая досада! Вотъ уже цѣлую недѣлю, какъ въ нашемъ городѣ плѣнные турки живутъ, а до сихъ поръ ими занимаются какъ новинкой какой. Скука съ ними! Прихожу разъ къ Фіонѣ Панкратьевнѣ, а у ней плѣнный турокъ сидитъ. Чудаки, право. Онъ по-русски ни слова не знаетъ, она по турецки и подавно. Все больше знаками объясняются да улыбаются какъ дураки при этомъ. Сидѣлъ, сидѣлъ, закуски не поставили, я за шапку — не удерживаютъ. Пошелъ къ Ларисѣ Поликарповнѣ и тамъ плѣнный турокъ. Тотъ офицеръ, по французски говорить умѣетъ. Просто досада! Я сижу какъ болванъ, а Лариса Поликарповна съ туркомъ по французски такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ. Скучно сидѣть и не понимать, что говорятъ около тебя; разсердился — ушелъ. Куда, думаю, дѣваться? пойти въ гостинницу время провести развѣ? Рѣшилъ идти въ гостинницу, а денегъ нѣтъ ни гроша. Ну да ничего, думаю, хозяинъ меня уважаетъ, въ долгъ отпуститъ. Подхожу къ буфету, говорю: такъ молъ и такъ, теперь не при деньгахъ, нельзя ли въ долгъ распорядиться? — Нѣтъ-съ, говоритъ, у насъ этого заведенія нѣтъ. — Чортъ бы тебя ободралъ и съ твоимъ заведеніемъ-то! Пролежалъ на диванѣ дома.

—

Однако дѣлишки изъ рукъ вонъ плохи! Вотъ цѣлый мѣсяцъ бьюсь какъ рыба объ ледъ. Денегъ нѣтъ, часы, портсигаръ, кольца и халатъ заложилъ. Пошелъ въ клубъ, думалъ, авось выиграю, сѣлъ играть и проигралъ послѣднія. Папиросы курю опять въ двадцать четыре копейки четвертку. Разъ нужно было денегъ. Дай, думаю, пойду по знакомству у Фіоны Панкратьевны или у Ларисы Поликарповны попрошу. Ходилъ: ни та, ни другая не приняла, прислуга говоритъ: «дома нѣтъ». Ходилъ въ другой разъ, засталъ и ту, и другую, но безъ успѣха: ни та, ни другая ничего не дали. Пойду заложить пенсне.

В.

Телеграммы «Развлеченія»

ДУБОССАРЫ. Средство къ устраненію войнъ, долго искомое лучшими философами міра, найдено «*насими*»: оно заключается въ поголовномъ укрывательствѣ отъ фактическаго отбыванія воинской повинности.

—

ОТТУДА ЖЕ. У насъ сильный недостатокъ воды, вслѣдствіе постояннаго толченія ея Думою и Управою; но за то изобиліе пустыхъ кармановъ обывателей.

—

ЛОНДОНЪ. Лордъ Дерби все напѣваетъ Биконсфильду: «Куда ты, ангелъ мой, стремишься?», а лордъ Биконсфильдъ напѣваетъ лорду Дерби: «Не уѣзжай, голубчикъ мой, не покидай поля родныя».

—

ПАРИЖЪ. Макъ-Магонъ все смотритъ въ окошко на народъ и напѣваетъ: «Онъ меня разлюбилъ!» A madame Макъ-Магонъ поетъ мужу: «Зачѣмъ вливаешь ты сомнѣнья въ мою истерзанную грудь?»

—

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Султанъ все смотритъ на небо и поетъ романсъ: «Скоро, скоро, мѣсяцъ ясный, твой потухнетъ чистый свѣтъ!»

Сказка о Бабѣ-Ягѣ.—Издатели.—Газета „Телеграфъ".—Патріотъ.—Какъ трудно приходится инымъ патріотамъ.—Курьезная награда.

Какъ свивальникъ окутываетъ ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ не окрѣпнетъ и не получитъ возможности держаться самостоятельно, такъ спекулянтъ издатель отутываетъ начинающаго писателя и держитъ его въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не составитъ себѣ имени, не зашибетъ деньжонокъ и вообще не получитъ возможности вырваться изъ этихъ дружескихъ объятій.

Умеръ поэтъ Н. А. Некрасовъ, газеты наполнились воспоминаніями и свѣдѣніями о немъ и непремѣнно явилась рѣчь о издателѣ, злоупотребившемъ своимъ правомъ.

При началѣ своей литературной дѣятельности покойный Некрасовъ написалъ сказку «Баба-Яга», которую и продалъ одному издателю того времени. Время шло, дѣятельность Некрасова расширялась, слава его росла, а издатель, себѣ на умѣ, держитъ подъ спудомъ сказку, о которой авторъ совершенно позабылъ. Наконецъ въ то время, когда Некрасовъ заслужилъ себѣ почетное мѣсто въ литературѣ, представьте, какъ онъ удивился, прочтя рекламу, что вышла въ свѣтъ сказка его сочиненія!

Издатель съ карманной точки зрѣнія поступилъ очень удачно, но автору пришлось писать оговорку, что сказка «Баба-Яга» написана имъ въ юношествѣ, что онъ не придаетъ ей ни малѣйшаго значенія и т. д... Нужны ли здѣсь комментаріи? Думаю нѣтъ, но думаю также, что хотя этому прошло не мало времени, условія отношеній авторовъ къ издателямъ измѣнились очень немного. Да и измѣнились ли хотя сколько нибудь —это еще вопросъ. Вспомнимъ за послѣднее время подвиги нашихъ книжниковъ и фарисеевъ. Не они ли, переброшюровавъ старую книгу, пускаютъ ее въ свѣтъ съ новымъ названіемъ? Не они ли нанимаютъ за гроши борзописца для составленія спеціальныхъ изданій по разнымъ отраслямъ? Дѣлается это обыкновенно такъ. Нанятый борзописецъ прежде всего ни бельмеса не смыслитъ въ той отрасли, по которой берется составить книгу. Но въ этомъ насадители вертограда ученаго видятъ вопросъ второстепенный. Возьметъ борзописецъ нѣсколько изданій по извѣстной отрасли, повырветъ изъ каждаго нѣсколько страницъ,

свяжетъ ихъ кое-какъ между собою и книга готова. Куда какъ кріятно человѣку, знакомому съ дѣломъ, купить за 2, за 3 рубля компиляцію этого чернокнижника! А почитайте ихъ рекламы. Одинъ, напримѣръ, издавая безтолковѣйшій романъ неизвѣстнаго автора, пишетъ въ рекламѣ, что сочиненіе это нужно отнести къ лучшимъ твореніямъ русской беллетристеки. На самомъ же дѣлѣ сочиненіе это нужно отнести.... только не туда.

Точно такъ-же, какъ встарь, и теперь наши книжники покупаютъ у авторовъ право изданія, съ позволенія сказать, чортъ ихъ знаетъ зачѣмъ. Купитъ, отдастъ деньги, положитъ въ карманъ записку и только. Что они хотятъ,—связать авторамъ руки или что другое, кто ихъ знаетъ, но повидимому покупать право на изданія и не издавать книги составляетъ для нихъ нѣкотораго рода наслажденіе. Такихъ примѣровъ я знаю не одинъ. Неужели они думаютъ, что всѣмъ выпадетъ на долю такой удачный случай поживиться, какъ издателю некрасовской «Бабы-Яги»? Конечно, я говорю не о всѣхъ, есть среди ихъ люди честно относящіяся къ своему дѣлу, но много ли такихъ?...

Прочимъ же книжникамъ нашимъ,
Я утерпѣть не могу,
Чтобы подчасъ не напомнить
Сказку про Бабу-Ягу.

Съ ними я, вѣрьте, якшаться
Не пожелаю врагу,
Все потому, что услышалъ
Сказку про Бабу-Ягу.

Время для газетъ теперь самое горячее, всѣ заняты политикой, всѣ жаждутъ новостей, всѣ ждутъ газетъ и раскупаютъ ихъ на расхватъ. Я тоже интересуюсь новостями, какъ и всѣ и не мало затрудненія мнѣ было рѣшить, какую бы газету выписать. Думалъ, думалъ я и наконецъ рѣшилъ выписать «Телеграфъ». Главнымъ образомъ газетка эта понравилась мнѣ потому, что всѣ свѣдѣнія въ ней сообщаются довольно кратко, такъ что ее на какіе мелкіе куски ни разорви, все отдѣльная статейка окажется.... Это очень удобно. Рѣшилъ, приготовилъ деньги и вдругъ—увы! пришлось отказаться отъ своего рѣшенія. Редакторъ-издатель этого новаго политическаго органчика г. Трубниковъ объявилъ, что у него такой громадный наплывъ подписчиковъ, что онъ можетъ высылать газету только чрезъ восемь дней послѣ полученія подписныхъ денегъ. Восемь дней ждать! Это съ моимъ нетерпѣніемъ-то и въ такое горячее время! Нѣтъ, рѣшилъ я, это не идетъ, намъ сейчасъ давай. Позвольте, господа, вѣдь это штука многознаменательная. Говорятъ, что у насъ мало развита страсть къ чтенію, меньше, напримѣръ, чѣмъ у англичанъ. Не вѣрю. Всѣ знаютъ, что число подписчиковъ на «Таймсъ» громадно, настолько громадно, что газета печатается стереотипомъ. А между тѣмъ «Таймсъ» не заявляетъ, что онъ не можетъ удовлетворять своихъ подписчиковъ во время. Одно изъ двухъ: или г. Трубниковъ, такъ сказать, не успѣлъ чихнуть да поздраствовался, или же число его подписчиковъ превышаетъ число подписчиковъ «Таймса». Но конечно, господа, національная гордость заставляетъ насъ принять послѣднее заключеніе, т. е. что на «Телеграфъ» г-на Трубникова столько подписчиковъ, что онъ и радъ бы удовлетворить, но....

Намъ гордиться подобаетъ
Къ верху сильно носъ задравъ,
Что въ Россіи возбуждаетъ
Жажду къ чтенью «Телеграфъ».

Весь апломбъ газеты Сити
Неожиданно поправъ,
Какъ въ подпискѣ, посмотрите,
Успѣваетъ «Телеграфъ».

Это пріятно. Еще бы! Это, такъ сказать, доказательство того, что мы созрѣли, мало того—перезрѣли. Какъ это пріятно прочесть, что громадный наплывъ подписчиковъ лишаетъ редакцію возможности удовлетворить ихъ своевременно, во избѣжаніе чего редакція и проситъ высылать деньги какъ можно скорѣе... Прочтешь, щелкнешь пальцемъ по газетѣ и скажешь: мы созрѣли! Мы очень много читаемъ, думаемъ еще больше и ужъ конечно словечка по просту не скажешь, все съ ужимкой.... Тутъ патріотическое чувство затронуто, а потріотизмъ дѣло великое! И еще какое великое!

Въ Петербургѣ, напримѣръ, у мироваго судьи обвинялся одинъ субъектъ въ учиненіи безобразія на улицѣ.

— Признаете вы себя виновнымъ? спрашиваетъ судья.

— Признаю-съ, а только я, господинъ судья, заслуживаю снисхожденія.

— На какомъ основаніи?

— Дѣло было въ день взятія Плевны: я съ радости напился, а пьяный человѣкъ, извѣстное дѣло, на все способенъ.

Плевну взяли, патріотъ радъ, напился пьянъ и давай буянить. Стало быть, внесъ свою лепту въ сокровищницу сочувствія—чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Каждый по своему платитъ дань своему долгу. Подобнаго пошиба патріоту довольно трудно, если примемъ въ соображеніе успѣхи русскаго оружія. Перешли Дунай—пьянъ, взяли городъ—пьянъ, взяли другой—пьянъ, взяли третій—пьянъ, четвертый—пьянъ. Это, такъ сказать, прозой, а дальше пойдетъ въ римѳу, напримѣръ:

Бой окончился у Систова—
Патріотъ былъ пьянъ неистово.

—

Пройдена была лишь Шипка—
Былъ конечно пьянъ онъ шибко.

—

Стягъ Османа въ Плевнѣ палъ—
Къ мировому онъ попалъ.

—

Наша рать въ Филиппополѣ—
Нужно выпить по неволѣ.

—

При занятьи Казанлыка—
Патріотъ не вяжетъ лыка.

—

Занятъ Гуркою Дубнякъ—
Патріотъ пьянъ навѣрнякъ.

—

Наши заняли Софію—
За столомъ склонилъ онъ.

—

Наши взяли Аладжанъ—
Патріотъ опять ужь пьянъ.

—

Только занятъ Баязидъ—
Потерялъ онъ трезвый видъ.

—

Гренадерамъ Карсъ сдался—
Патріотъ нашъ напился.

—

Чрезъ Балканы наши скокъ—
Патріотъ безъ заднихъ ногъ.

—

Страсть! Опять повторяю, каждый по своему платитъ дань долгу.

Напримѣръ, долгъ подчиненнаго—служить, долгъ начальника—поощрять.

На одной желѣзной дорогѣ служащіе платили дань своему долгу неуклоннымъ исполненіемъ обязанностей, усердіемъ и такъ далѣе. Начальство поощряло ихъ обѣщаніемъ дать награду къ празднику Рождества. Подчиненные старались и ждали. Приходитъ праздникъ, вотъ, думаютъ подчиненные: скоро, скоро выдадутъ намъ награду. Но начальство къ празднику вмѣсто награды показало имъ нѣчто въ родѣ сочной фиги и обѣщало дать награду къ новому году. Что-жь, думаютъ служащіе, было бы чего ждать, а то подождемъ. Ждутъ. Приходитъ новый годъ, начальство вспомнило свое обѣщаніе и предложило служащимъ въ награду.... что бы вы думали? Не больше, не меньше, какъ безплатно *привить оспу!* Конечно, служащіе рты поразѣвали отъ такой великой и богатой милости... Можно надѣяться, что служащимъ на этой дорогѣ за прилежаніе и успѣхи къ Пасхѣ предложатъ безплатно срѣзать мозоли.

Выходитъ, что на свѣтѣ много такихъ мудрецовъ, другъ Горацiо, которыхъ не сѣютъ, ни орутъ—а сами родятся.

—ковъ.

РЫЦАРИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

РЕКЛАМНО-ГЕРОИЧЕСКАЯ БАЛЛАДА.

Занималась заря; я, любовью горя,
Отогналъ отъ себя сладкій сонъ.
Встать мнѣ было пора, я съ кровати *Нейра*
Всталъ, смахнувъ одѣяло *Тюрнтонъ.*
Четуновыхъ брегетъ далъ мнѣ вѣрный отвѣтъ:
Въ пять часовъ былъ нарушенъ мой сонъ.
Я лицо оросилъ, полотенце спросилъ,
Что мнѣ продалъ на дняхъ *Левенсонъ.*
Отъ *Бургеса* халатъ, (былъ онъ въ долгъ мною взятъ),
Я лѣнивой рукою надѣлъ,
И ждать дамы письмо близъ *Амлонга* трюмо
На диванѣ *Тоннета* я сѣлъ.
Проходили часы, я велѣлъ колбасы
Фунта два у *Бѣлова* купить,
Завтракъ живо предсталъ, я закусывать сталъ
И сталъ водку отъ *Вильборна* пить.
Колбасы не доѣлъ, какъ звонокъ зазвенѣлъ—
Винтергантеръ его смастерилъ—
—«Поверни же, не мучь *Растеряевскій* ключъ!»
Такъ лакея я прыть ускорилъ.
Почтальона былъ звонъ, и, терпѣнья лишонъ,
Я съ дивана къ нему чуть не вскачь
И, спѣша въ корридоръ, на узорной коверъ
Уронилъ подстаканникъ отъ *Качъ.*
Доціаро пакетъ—блѣдно-розовый цвѣтъ—
Я дрожащей рукою схватилъ
И, когда разорвалъ, на письмѣ увидалъ
Тѣнь лиловую *Гаврскихъ* чернилъ.
Мнѣ писала она, что любовью полна
Въ *Паркѣ* видѣть желаетъ меня.
Портмоне *Гильдебрантъ* открываетъ вашъ франтъ—
И лишь мелочь въ немъ видитъ, стеня.

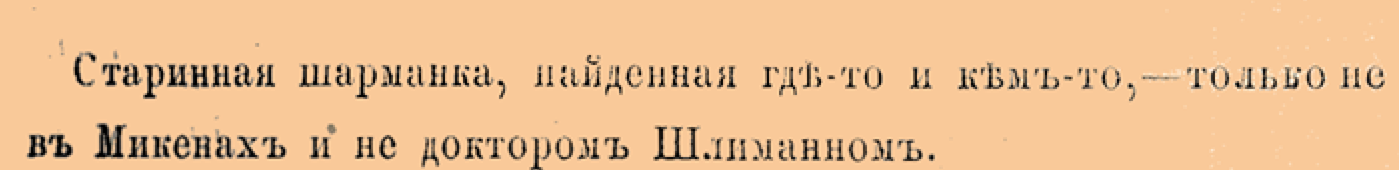

Мать. Что ты тутъ вертишься, Лиза, чего ты хочешь?
Лиза. Мнѣ бы хотѣлось быть вотъ этой кострюлей съ вареньемъ.
Мать. Это еще что за выдумка?
Лиза. Тогда бы ты, мама, положила въ меня много сахару.

Я совсѣмъ одичалъ и какъ гласный молчалъ,
Но нашелся сейчасъ же: того...
Не видаться—не жить, портсигаръ заложить—
Мнѣ *Овчинниковъ* дѣлалъ его;
Стоитъ тридцать рублей, половину, ей-ей,
Мнѣ подъ этотъ дадутъ портсигаръ.
Но часъ ѣхать насталъ, собираться я сталъ
И спросилъ себѣ мыло *Брокаръ*.
Мнѣ отъ *Сарра* штаны были въ мигъ поданы,
А сюртукъ и жилетъ отъ *Айе*,
Варнюссона пальто, на рукахъ—*Фромантo*
И цилиндръ я надѣлъ *Лемерсье*;
Отъ *Пристлея* пенсне, сапоги *Пироне*,
И сорочка издѣлья *Фрибуръ*.
Какъ совсѣмъ былъ одѣтъ, хоть сейчасъ въ *Модный Свѣтъ*—
Франтоватъ былъ, ей-ей, черезъ чуръ.
Взявши зонтикъ *Дарганcъ*, конки я дилижансъ
Поджидать съ нетерпѣніемъ сталъ.
Онъ тотчасъ подкатилъ, я пятакъ заплатилъ,
Сѣлъ и въ *Общество ссуды* помчалъ.

Заложивъ портсигаръ, какъ съ Таганки угаръ,
Отъ «*Московскаго*» взялъ лихача;
Въ экипажъ гордо сѣлъ, по Тверской полетѣлъ;
Гналъ возница, коня горяча.
Въ Паркъ я сильно спѣшилъ—тамъ обѣдать рѣшилъ,
Чтобъ поспѣть на свиданіе въ садъ.
Въ *Стрѣльну* живо домчалъ и, войдя, увидалъ,
Что *Натрускинъ* душевно мнѣ радъ.
Пирогъ Страсбургскій ѣмъ, пью душистый *д'Икемъ*,
Трабукосъ дорогой дать прошу,
Кончилъ живо разсчетъ, получая почетъ,
И въ *Шатошку* какъ можно спѣшу.
Сердце пляшетъ мое—тамъ встрѣчаю ее,—
На ней платье и шляпа *Аннетъ*,
Отъ *Невиль* антука, въ *Корнье* лайкѣ рука
И отъ *Фульда* шикарный браслетъ.
Съ ней я долго ходилъ, насъ *Мушинскій* озлилъ:—
Пѣть умѣнья и голоса нѣтъ.
Обойдя еще садъ, былъ несказанно радъ
Я, отравившись съ нею въ буфетъ.
Мѣста видимо нѣтъ, но, прошедши буфетъ,

Старинная шарманка, найденная гдѣ-то и кѣмъ-то,—только не въ Микенахъ и не докторомъ Шлиманномъ.

Тоже, должно пологать, по нечаянности попала въ пѣвицы театра.

Пустой столикъ нашли мы одинъ.
Только ужинъ пошелъ, какъ вдругъ къ намъ подошелъ,
Словно «*Голосъ*» свирѣпъ, господинъ.
Осмотрѣлъ его я, но мнѣ дама моя
Шепчетъ: «Боже, вѣдь это мой мужъ!
Я шепчу ей: «увы! что замужняя вы,
Не сказали вы мнѣ почему-жь?...»
Я горю какъ *чиракъ*; вдругъ намъ дерзкій дуракъ:
—«Какъ такъ вмѣстѣ сошлись вы сюда?»
Я конечно молчу, а онъ намъ: «проучу,
Погодите, я васъ, господа»!
Да какъ хватитъ объ столъ, только звонъ лишь пошелъ.—
Всю посуду злодѣй перевелъ
Онъ въ экстазѣ такомъ, а супругу молчкомъ
Взялъ подъ ручку и тотчасъ увелъ.
Головой я поникъ, я, бывало, привыкъ
Ужинъ ѣсть, чтобъ платила она.
Тутъ конецъ ужь не тотъ! какъ покончу разсчетъ?
Денегъ нѣтъ у меня! Вотъ те-на!
Я въ буфетъ зашагалъ и въ расчетъ предлагалъ
Отъ *Крумбюгеля* запонки я,
Но прогнали меня, я ушелъ, все кляня,
Честь не мало страдала моя.
Вонъ изъ сада, какъ могъ, я подралъ со всѣхъ ногъ,
Лихача бросить въ Паркѣ былъ радъ,
Будто съ неба упавъ, три копейки отдавъ,
Я по конкѣ пустился назадъ.

Кри-кри.

Наши шутники

(корреспонденція изъ Саратова).

Господи, Боже мой! что это за превеселый народъ живетъ въ нашемъ городѣ! Вѣдь послушаешь, въ другомъ мѣстѣ и жизни-то нѣтъ; надъ городишкомъ сл[illegible]хо. тихій ангелъ пролетѣлъ; ни днемъ, ни ночью [illegible]дѣвушка, кромѣ собакъ, живой души не увидишь; [illegible]ія предложе-першись, дома сидятъ, въ стуко[illegible]ую [illegible]брызнули слезы. чекъ потягиваютъ; ну, а мы [illegible]всѣмъ [illegible]ыдился сказать ей народъ веселый! Шутить [illegible]юбчикъ! [illegible] ей бы слѣдо-же!... Я думаю, всю Россію изъ[illegible]ю. не найдешь. Ей-богу!..

одинъ изъ нашихъ мѣстныхъ брехуновъ, именуемыхъ въ простонародьи аблакатами,—задумалъ выкинуть шуточку, взялъ да и выпустилъ на свѣтъ Божій слѣдующее объявленіе:

«Извѣщаю, что я, губернскій секретарь такой-то, принимаю на себя защиту уголовныхъ дѣлъ въ окружныхъ судахъ и мировыхъ учрежденіяхъ, какъ въ городѣ Саратовѣ, такъ равно и въ уѣздныхъ городахъ и въ ближайшихъ губернскихъ городахъ. Большое число оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ, въ которыхъ мною защищались разные подсудимые въ убійствахъ, грабежахъ, поджогахъ и важныхъ кражахъ, въ городахъ: Саратовѣ, Царицынѣ, Сердобскѣ и Петровскѣ, могутъ служить полнѣйшимъ доказательствомъ полнаго знанія мною дѣла и моей добросовѣстности, что подтвердитъ масса оправданныхъ мною лицъ. Постоянное жительство имѣю въ городѣ Саратовѣ». Слѣдуетъ адресъ.

Мнѣ передавали за достовѣрное, что всѣ подсудимые, оправданные *полнымъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью* губернскаго секретаря, хотятъ поднести своему благодѣтелю благодарственный адресъ. Самый же адресъ будетъ написанъ мѣстнымъ театральнымъ рецензентомъ.

Что-жь! Я съ своей стороны поднесеніе адреса вполнѣ одобряю. По моему мнѣнію, ни одна заслуга на пользу общую не должна оставаться безъ вознагражденія. А губернскій секретарь услугу оказалъ не малую. По крайней мѣрѣ мы, саратовцы, благодаря добросовѣстности и знанію дѣла этого аблаката, имѣемъ у себя въ городѣ человѣкъ 300, (можетъ быть и болѣе) лишнихъ.... жителей!

Да, я вполнѣ увѣренъ, что знай ваши «червонные валеты», что у насъ въ столицѣ Поволжья (такъ мѣстные шутники прозвали нашъ градъ) обрѣтается такой кладъ въ лицѣ губернскаго секретаря, то навѣрно не лишили бы васъ, москвичей, своей общественной дѣятельности, да въ то же время и сами не ловили бы теперь соболей, а мирно и спокойно жили бы въ своихъ пріютахъ.

Есть у насъ шутники и другаго калибра.

Одинъ изъ такихъ шутниковъ, нѣкій купчина, задумалъ тоже выкинуть шуточку. Соблазнился ли онъ объявленіемъ
...нскаго секретаря, натура ли не выдержала, или такъ
...стнулось,—Господь его вѣдаетъ,—только и
...чце.
нему ...а полученіемъ денегъ по век-
...чую мук... ...жичокъ. Купчина ничего,
...лъ посадилъ, чайкомъ уго-
...ъ спросилъ: живы-ль, молъ,
Честь-то, молъ, какая!

Съ его степенствомъ за однимъ столомъ чаекъ попиваемъ, не гнушается его милость, что мужикъ молъ сѣрый; мало того, о хозяйкѣ еще справился, сейчасъ видно, душа-человѣкъ.

Побесѣдовавши малость, купчина и говоритъ:

— Ну что-жь, съ Богомъ, пора и разсчетъ сдѣлать. На-кось вотъ тебѣ чернильницу, ты пока сдѣлай надпись на векселѣ, что деньги молъ сполна получилъ, а я тѣмъ временемъ тебѣ ихъ приготовлю.

Сказано—сдѣлано. Мужичокъ кое-какъ нацарапалъ: что деньги, молъ, по сему векселю получилъ сполна такой-то. Купчина посмотрѣлъ на подпись, повертѣлъ въ рукахъ да и въ карманъ. Опять за чаекъ принялись, разговоръ снова пошелъ. Напившись вдосталь, купчина за шапку.

— Слава тебѣ, Господи! говоритъ, покончили дѣло! пора въ лавку. Прощай, домашнимъ кланяйся. Въ городѣ будешь, милости прошу, заѣзжай!

У мужичка подъ сердце подкатило.

— А деньги, ваше степенство?

— Какія деньги?

— А по векселю-то?

— Что-жь, вторыя тебѣ што-ль платить? Вѣдь получилъ.

Мужичекъ въ слезы: жена, молъ, дѣти, ваше степенство... не обидь... Купчина разсердился:

— Да какъ ты смѣешь? Да что я мошенникъ што-ль какой?... Да я тебя!... Ахъ, ты сиволапый!... Да ты знаешь ли... — Не вытерпѣла натура: обернулъ мужичонку къ двери да и въ загривокъ.

Мужичокъ видитъ, дѣло не хвали: слезами горю не поможешь. Смѣкнулъ. Первымъ дѣломъ высунулъ голову въ окно, да и крикнулъ: караулъ!

Ну, извѣстное дѣло: сейчасъ народъ, полиція. Какъ? что? почему? Мужичокъ объясняетъ.

Одинъ свое, другой свое.

Блюститель правосудія не растерялся.

— Обыскать, говоритъ, мужика... живо!...

Раздѣли мужичонка. Обыскали: кромѣ двухъ пятаковъ, рублевки да гребенки ничего не оказалось. А тутъ изъ толпы кто-то крикнулъ: «да что, видимое дѣло! не впервые!... Актъ надо! Актъ!» Начали составлять актъ. Купчина видитъ,—дѣло дрянь.

— Я, говоритъ, ваше благородіе, дѣйствительно денегъ ему не отдавалъ, постращать его малость захотѣлъ... пошутилъ... а что я это сейчасъ съ нашимъ превеликимъ удовольствіемъ... сполна...

— Нѣтъ, говоритъ блюститель,—теперь поздно... Актъ... свидѣтели... Ужь придется вамъ денежки въ окружномъ ему отдать.

Такъ шутка-то и не удалась.

Да нашъ купчина не унываетъ.

— А губернскій секретарь-то, говоритъ, на что? сейчасъ его за бока. Онъ не токма што... онъ вонъ убивцевъ, грабителей ослобонилъ... а тутъ велико дѣло,— пошутилъ малость. Да мы еще погоди-ка, дай срокъ, еще не такое колѣно выкинемъ...

Есть у насъ шутники и въ печати.

Издается у насъ газетка «Саратовскій Дневникъ». Газетка ничего, веселенькая. Есть у нея тоже свой шутникъ въ качествѣ театральнаго рецензента.

Не понравилось почему-то ему, что у насъ въ театрѣ идетъ преимущественно серьозный репертуаръ. «Что это насмѣшка? говоритъ онъ.—Мы люди веселые, намъ тру-ля-ля, тру-ля-ля!... А тутъ Шекспира! Что такое Шекспиръ? На что онъ намъ? Да я»... Сейчасъ перо въ руки, да и давай шутить: «Классическій репертуаръ, и преимущественно безсмертныя, какъ ихъ принято называть (?), піесы-хроники Шекспира не служили къ настоящей, правильной обрисовкѣ персонала труппы, не дѣлали даже ансамбля, а вводили зрителей, публику (зритель не публика!) и даже (ого!) самихъ рецензентовъ въ заблужденіе. Такое повидимому странное явленіе однако же имѣетъ свой raison d'être: замѣчали ли вы, что въ шекспировскихъ, напримѣръ, піесахъ, собственно говоря, одно и есть главное дѣйствующее лицо, deus ex machina, вблизи и вокругъ котораго вертятся всѣ остальные участники піесы? Если идетъ «Гамлетъ», то все для него одного и ничего для другихъ; если поставленъ «Лиръ», то все для короля и т. д., остальныя же лица обезцвѣчены до nec plus ultra, доведены до положенія обстановки и, какъ интимно выражаются артисты, до состоянія мебели». (Да-съ, вотъ мы каковы! Вы, москвичи, небось въ восторгъ приходили, смотря на Офелію въ 4-мъ актѣ «Гамлета», въ сценѣ сумасшествія... а мы вотъ—мебель, молъ... лицо обезцвѣченное Шекспиромъ до nec plus ultra... доведенное до положенія обстановки!). «То ли дѣло ставить произведенія современныхъ авторовъ, хотя бы сюжетъ этихъ произведеній уходилъ въ старину древнѣе эпохи Шекспира. Намъ понятенъ языкъ этихъ авторовъ». Вотъ но что!... Ахъ, вы шутникъ, шутникъ! Да такъ бы жъ прямо и говорили, что Шекспиръ-де не моего ума ѣло! А то.... Ну, да пока довольно!...

О другихъ шутникахъ (у насъ ихъ непочатый уголъ) слѣдующаго раза.

М. Итадногъ.

Говорятъ

Говорятъ, что дѣло по обвѣсу на думскихъ вѣсахъ соломой хамовническаго госпиталя для раненыхъ кончилось ничѣмъ: виновныхъ отыскать не могли, всѣ оказались правы.

—

Говорятъ, что на Косопузовскую дорогу тепленькія мѣстечки можно получать чрезъ буфетъ Сѣверной гостинницы.

—

Говорятъ, что одна вдова, унаслѣдовавшая по мужѣ милліонъ рублей и десятки тысячъ бутылокъ отъ пива и вина, одѣляетъ ими нищихъ за упокой своего супруга.

—

Говорятъ, что въ московскомъ Зоологическомъ саду осталось живыхъ 16 экземпляровъ животныхъ и 37 экземпляровъ птицъ, а при сдачѣ въ аренду г-ну Рябинину было 221 экземпляръ звѣрей и 646 экземпляровъ птицъ. Правда ли это?

—

Говорятъ, что продувная бестія Амуръ, прикинувшись невинностію, побѣдилъ сердце одной коммерсантки и по ея ходатайству получилъ тепленькое мѣстечко въ одномъ банкѣ и того гляди запуститъ свои пухленькія ручки съ розовыми ноготками, которыми такъ восхищается коммерсантка, въ банковую кассу.

—

Говорятъ, что содержатель одной лѣчебницы вывѣсилъ слѣдующее курьезное объявленіе: «экстренный пріемъ больнаго не въ чередъ стоитъ 5 руб.».

—

Говорятъ, что въ одной больницѣ два года собираются купить пневматическій насосъ для лѣченія грудныхъ болѣзней, но собраться никакъ не могутъ; три ассигновки были сдѣланы на покупку, но каждый разъ расходовались на другое, а больнымъ каждый день обѣщаютъ начать лѣченіе сжатымъ воздухомъ.

—

Говорятъ, что на одинъ провинціяльный театръ хотѣла поступить на сцену одна хорошенькая дѣвушка, но антрепренеромъ ей были высказаны такія предложенія, что у дѣвушки вмѣсто отвѣта брызнули слезы. «Какая же вы глупенькая!» [illegible] тыдился сказать ей антрепренеръ. Дѣйствительно гл[illegible]а: ей бы слѣдовало *харкнуть* ему въ физіономію.

Такъ шутка-то и не удалась.

Да нашъ купчина не унываетъ.

— А губернскій секретарь-то, говоритъ, на что? сейчасъ его за бока. Онъ не токма што... онъ вонъ убивцевъ, грабителей ослобонилъ... а тутъ велико дѣло,—пошутилъ малость. Да мы еще погоди-ка, дай срокъ, еще не такое колѣно выкинемъ...

Есть у насъ шутники и въ печати.

Издается у насъ газетка «Саратовскій Дневникъ». Газетка ничего, веселенькая. Есть у нея тоже свой шутникъ въ качествѣ театральнаго рецензента.

Не понравилось почему-то ему, что у насъ въ театрѣ идетъ преимущественно серьозный репертуаръ. «Что это насмѣшка? говоритъ онъ.—Мы люди веселые, намъ тру-ля-ля, тру-ля-ля!... А тутъ Шекспира! Что такое Шекспиръ? На что онъ намъ? Да я»... Сейчасъ перо въ руки, да и давай шутить: «Классическій репертуаръ, и преимущественно безсмертныя, какъ ихъ принято называть (?), піесы-хроники Шекспира не служили къ настоящей, правильной обрисовкѣ персонала труппы, не дѣлали даже ансамбля, а вводили зрителей, публику (зритель не публика!) и даже (ого!) самихъ рецензентовъ въ заблужденіе. Такое повидимому странное явленіе однако же имѣетъ свой raison d'être: замѣчали ли вы, что въ шекспировскихъ, напримѣръ, піесахъ, собственно говоря, одно и есть главное дѣйствующее лицо, deus ex machina, вблизи и вокругъ котораго вертятся всѣ остальные участники піесы? Если идетъ «Гамлетъ», то все для него одного и ничего для другихъ; если поставленъ «Лиръ», то все для короля и т. д., остальныя же лица обезцвѣчены до nec plus ultra, доведены до положенія обстановки и, какъ интимно выражаются артисты, до состоянія мебели». (Да-съ, вотъ мы каковы! Вы, москвичи, небось въ восторгъ приходили, смотря на Офелію въ 4-мъ актѣ «Гамлета», въ сценѣ сумасшествія... а мы вотъ—мебель, молъ... лицо обезцвѣченное Шекспиромъ до nec plus ultra...-доведенное до положенія обстановки!). «То ли дѣло ставить произведенія современныхъ авторовъ, хотя бы сюжетъ этихъ произведеній уходилъ въ старину древнѣе эпохи Шекспира. Намъ понятенъ языкъ этихъ авторовъ». Вотъ оно что!... Ахъ, вы шутникъ, шутникъ! Да такъ бы ужь прямо и говорили, что Шекспиръ-де не моего ума дѣло! А то.... Ну, да пока довольно!...

О другихъ шутникахъ (у насъ ихъ непочатый уголъ) слѣдующаго раза.

М. Итадногъ.

Говорятъ

Говорятъ, что дѣло по обвѣсу на думскихъ вѣсахъ соломой хамовническаго госпиталя для раненыхъ кончилось ничѣмъ: виновныхъ отыскать не могли, всѣ оказались правы.

Говорятъ, что на Косопузовскую дорогу тепленькія мѣстечки можно получать чрезъ буфетъ Сѣверной гостинницы.

Говорятъ, что одна вдова, унаслѣдовавшая по мужѣ милліонъ рублей и десятки тысячъ бутылокъ отъ пива и вина, одѣляетъ ими нищихъ за упокой своего супруга.

Говорятъ, что въ московскомъ Зоологическомъ саду осталось живыхъ 16 экземпляровъ животныхъ и 37 экземпляровъ птицъ, а при сдачѣ въ аренду г-ну Рябинину было 221 экземпляръ звѣрей и 646 экземпляровъ птицъ. Правда ли это?

Говорятъ, что продувная бестія Амуръ, прикинувшись невинностію, побѣдилъ сердце одной коммерсантки и по ея ходатайству получилъ тепленькое мѣстечко въ одномъ банкѣ и того гляди запуститъ свои пухленькія ручки съ розовыми ноготками, которыми такъ восхищается коммерсантка, въ банковую кассу.

Говорятъ, что содержатель одной лѣчебницы вывѣсилъ слѣдующее курьезное объявленіе: «экстренный пріемъ больнаго не въ чередъ стоитъ 5 руб.».

Говорятъ, что въ одной больницѣ два года собираются купить пневматическій насосъ для лѣченія грудныхъ болѣзней, но собраться никакъ не могутъ; три ассигновки были сдѣланы на покупку, но каждый разъ расходовались на другое, а больнымъ каждый день обѣщаютъ начать лѣченіе сжатымъ воздухомъ.

Говорятъ, что на одинъ провинціальный театръ хотѣла поступить на сцену одна хорошенькая дѣвушка, но антрепренеромъ ей были высказаны такія предложенія, что у дѣвушки вмѣсто отвѣта брызнули слезы. «Какая же вы глупенькая!» [illegible] тыдился сказать ей антропренеръ. Дѣйствительно гл[illegible] ей бы слѣдовало *харкнуть* ему въ физіономію.

Говорятъ, что въ одномъ приморскомъ провинціяльномъ городѣ театромъ заправляетъ компанія трехъ антрепренеровъ, великихъ любителей женской красоты. На сценѣ этой находится одна молодая драматическая талантливая артистка, красавица, за которой сильно пріударяла взапуски компанія антрепренеровъ; но актриса оказалась цѣломудренною Діаной и въ разгаръ ихъ ухаживанія вышла замужъ по любви. Взбѣшенные антрепренеры хотѣли отказать актрисѣ, но побоялись скандала, зная любовь публики къ артисткѣ, и рѣшили ей мстить тѣмъ, что перестали давать ей новыя роли и вздумали отказать ея отцу отъ должности суфлера. Это окончательно взбѣсило всю труппу и премьеры труппы заявили компанейской антрепризѣ, что если она уволитъ суфлера, то они играть не станутъ. Ну, это сильно переконфузило компанію и она поджала хвостъ.

—

Говорятъ, что въ трактирѣ «Бѣлградъ» происходятъ не только ночью. но и днемъ, сцены не бѣлградскія, а содомо-гоморскія. Правда ли это?

ВѢСТИ И СЛУХИ

Мы слышали, что для предстоящей парижской выставки изъ Москвы посылается замѣчательная коллекція манкеновъ разныхъ современныхъ дѣятелей за послѣднее время. Вотъ они:

1). Манкенъ неуловимаго валета всѣхъ четырехъ мастей Павла Шнейера.

2). Манкенъ кассира Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита, похитившаго милліонъ изъ кассы Общества.

3). Манкенъ мнимоумершаго въ Венеціи маклера московской биржи, наказавшаго Промышленный банкъ на 150 тысячъ.

4). Манкенъ нижегородскаго портнаго, потопившаго пароходъ Борисъ съ 186-ю пассажирами на Волгѣ въ августѣ 1877 года при управленіи имъ въ званіи капитана пароходомъ «Кормилецъ».

5). Манкенъ купеческаго кучера въ видѣ Голіафа. Оригиналъ въ натурѣ имѣетъ вѣсу 14 пуд. 20 ф.

6). Манкены трехъ гласныхъ московской Думы, подавшихъ заявленіе о уничтоженіи желѣзноконной дороги въ Москвѣ.

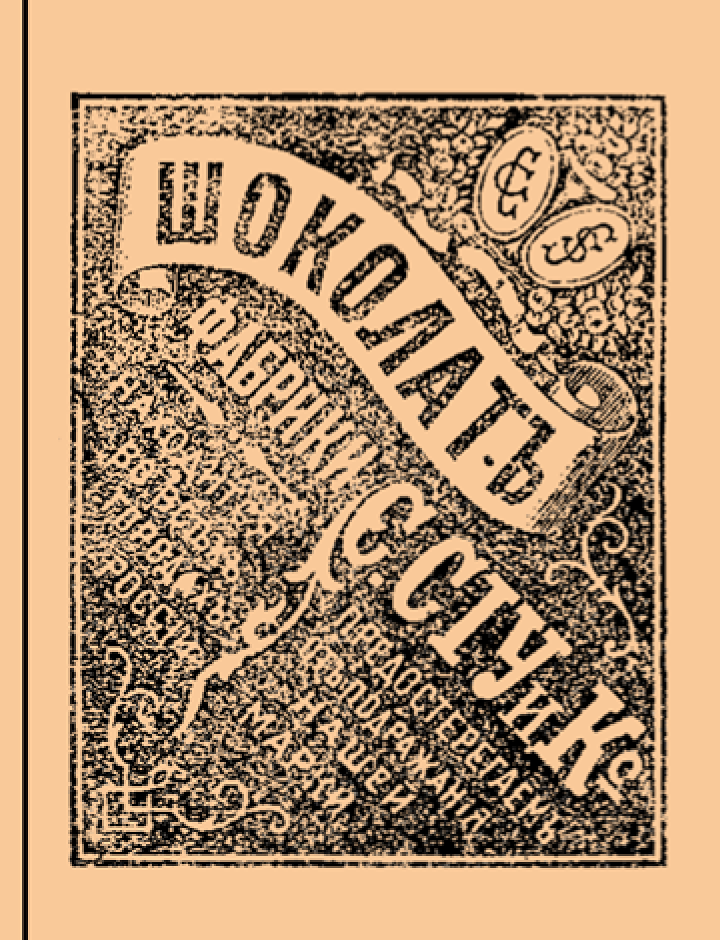
7). Манкенъ еврея, не купившаго ничего краденаго въ продолженіи своей 60-ти лѣтней жизни.

8) Манкенъ грека, прожившаго 50 лѣтъ и не совравшаго ни разу.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Дозволено цензурой. Москва, 25-го Января 1878 года. Москва. Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз ч. 1 кв. № 82).